

Москальчук Елена Игоревна

кандидат социологических наук,
старший преподаватель кафедры социологии
Санкт-Петербургского государственного
технологического института

Касабуцкая Маргарита Сергеевна

аспирант Санкт-Петербургского государственного
университета

ИРРЕДЕНТИЗМ В ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКО- УКРАИНСКИХ ОТНОШЕНИЙ [1]

Аннотация:

В статье затрагивается острый аспект политических отношений на постсоветском пространстве, связанный с проблемой дискриминации по этническому признаку. Одним из следствий проведения политики этнонационализма в новых постсоветских странах стал феномен формирования ирредентистских движений, ориентирующих национальные меньшинства, исторически проживающие на территориях этих государств, на поиск защитника в лице тех государств, в которых представители их этноса составляют большинство или находятся в лучшем положении. Такая ситуация обострения этнополитических отношений имеет место и в современной Украине, в которой ирредентистское движение русскоязычных граждан юго-востока страны возникло не столько на этнической основе, сколько в целях защиты своих прав в сфере культуры, образования и гуманитарных связей с Россией. Обострение и последовавшее силовое решение конфликта в период «событий Майдана» 2014 г. было прямым фактором, который привел к переходу Крыма под юрисдикцию Российской Федерации, а также к всплеску ирредентистского движения за присоединение к России в Донецкой и Луганской областях. В работе описывается, какие еще факторы привели к росту русского ирредентизма на Украине и как их оценивают жители Крыма, Донецкой и Луганской областей в настоящее время. Эмпирическое социологическое исследование позволило выявить связи ирредентизма с характеристиками самоидентификации и исторической памятью населения.

Ключевые слова:

ирредентизм, национальная идентичность, историческая память, историческое сознание, этнополитический конфликт, межнациональные отношения, российско-украинские отношения, этнические меньшинства, титульная нация.

Moskalchuk Elena Igorevna

PhD in Sociology,
Senior Lecturer,
Sociology Department,
Saint Petersburg State Institute of Technology

Kasabutskaia Margarita Sergeevna

PhD student,
Saint Petersburg State University

IRREDENTISM IN THE ETHNOPOLITICAL SPACE OF RUSSIAN-UKRAINIAN RELATIONS [1]

Summary:

The research highlights the urgent problem of political relations concerning ethnic discrimination in the former Soviet Union. The major issue of the analysis includes irredentist movements and their consequences. The policy of ethnic nationalism in the new post-Soviet countries has resulted in the desire of ethnic minorities historically living in the territories of these states to find a defender, i.e. the states where representatives of their ethnic group are in the majority or face better living conditions. The increased tension in ethno-political relations takes place in modern Ukraine where the irredentist movements of Russian-speaking citizens of the South-East of the country have appeared as an aspiration to defend their cultural rights, strengthen education and humanitarian ties with Russia rather than on an ethnic basis. Conflict escalation during the Maidan Events in 2014 was a direct factor that led to Crimea putting under the jurisdiction of the Russian Federation, as well as to the rise of the irredentist movement in Donetsk and Luhansk regions for joining Russia. The study describes other factors that have led to the expansion of Russian irredentism in Ukraine and analyzes the current attitude of the residents of Crimea, Donetsk and Luhansk regions to the situation. The empirical sociological research has revealed the connection of irredentism with the characteristics of self-identification and historical memory of the population.

Keywords:

irredentism, national identity, historical memory, historical consciousness, ethno-political conflict, inter-ethnic relations, Russian-Ukrainian relations, ethnic minorities, titular nation.

Проблема ирредентизма на постсоветском пространстве – одна из наиболее сложных в плане как международных отношений, так и внутренней национальной политики. При распаде Советского Союза новые субъекты международной политики, получившие независимость и государственность мирным путем и с уже сложившимися механизмами государственного управления, взяли на себя обязательства по поддержанию добрососедских отношений и гуманитарных связей между бывшими соотечественниками. Русские, как самая большая этническая общность, многие поколения проживающая на территории всего постсоветского пространства, справедливо

рассчитывали на гарантии своих прав и свобод, поскольку считали место проживания своей родиной и сохранили в исторической памяти традиции межнациональной дружбы и взаимопомощи. Более того, сами русские в регионах бывшего Советского Союза в основном не жили анклавно и часто вступали в межнациональные браки, что привело к формированию понятия русскоязычного, а не русского населения. Однако, как показала новая историческая реальность, бывшие союзные государства в большинстве своем выбрали политику этнонационализма и идеологию этнической исключительности как главный вектор государственной политики. В результате многие граждане новых государств по сути стали чужаками на своей земле, лишились права на отделимую традицию в рамках культурной автономии. Особая ситуация при этом сложилась в независимой Украине, поскольку этнические границы между украинцами и русскими в разных областях страны значительно отличались и единства в национальной политике не было между самими украинцами как представителями этнической группы. В связи с этим политика украинизации растянулась на десятилетия и, на одном из этапов перейдя в шовинизм, неизбежно расколола общество, породила феномен русского ирредентизма и привела к масштабному конфликту на межгосударственном уровне. В статье анализируются внутренние причины и факторы указанных событий, в то время как само явление ирредентизма рассматривается ценностно нейтрально.

Исторически понятие «ирредентизм» (от итал. *irredento* – ‘неосвобожденный’) появилось в Италии в XIX в. для обозначения политического движения, выступающего за присоединение территорий соседних стран, населенных итальянцами. Соответственно, этим термином стали обозначать политическую идеологию и сами движения за воссоединение территорий, населенных одним этносом, в единое государство [2, с. 46]. Однако естественно, что там, где есть проблема соединения, одновременно существует и проблема отделения от прежнего государственного образования, что приводит к противоречиям в характеристиках самого движения ирредентизма. Поэтому, несмотря на то что проблема ирредентизма в общественных науках обсуждается давно, до сих пор нет четкого подхода к его определению.

Зачастую в научных работах понятие ирредентизма рассматривается как одна из форм сепаратизма. Однако считаем важным подчеркнуть самостоятельную специфику этого явления, поскольку в отличие от простой сецессии для ирредентизма не важна сама по себе форма национально-государственного самоопределения народа, а важно соединение с соотечественниками / своим этносом под единым национально-территориальным образованием. Иногда речь может идти о присоединении к государству, в котором данный этнос также находится в числе меньшинств, но не подвержен дискриминации. Такова, например, ситуация с лезгинами, разделенными между Россией и Азербайджаном [3].

Р. Брубейкер говорит о существовании тройной связи в процессе ирредентизма. По его мнению, он представляет собой конфликт с участием трех сторон: этнического меньшинства, желющего национального самоопределения; государства, в котором сильны тенденции к национализму; внешнего государства, которое этническое меньшинство считает своей родиной [4, р. 34–46]. Причем, по мнению Р.Э. Бараш, ирредентизм может возникнуть в том случае, если существует «социальный конфликт, усугубленный национальным фактором» [5, с. 152]. В целом ирредентизм более вероятен, когда этническое меньшинство страдает от несогласованности состояния между своим средним экономическим положением, демографическим значением в ирредентистском государстве и когда политическая среда побуждает политиков конкурировать на национализме, обращаясь только к своей собственной группе. Именно в этих факторах, по мнению исследователей, кроются корни ирредентизма [6]. Так, если отсутствует этот конфликт, если политика государства в отношении этнического меньшинства носит адекватный характер, возникновение ирредентистского движения маловероятно. Переход к политике поддержания контактов с диаспорой этнического меньшинства будет способствовать сглаживанию конфликтов, которые возникают из-за развития ирредентистского движения [7, р. 11].

В статье мы анализируем ирредентизм только как социально-политическое движение, которое активно мобилизует участников в условиях социальной напряженности и конфликта. Цель статьи заключается в выявлении факторов ирредентизма на примере ситуации этнополитической напряженности российско-украинских отношений. В качестве отдельных кейсов взяты ситуации в Крыму, Донецкой и Луганской областях как различные примеры развития движения ирредентизма.

На постсоветском пространстве имеется большое количество конфликтов и напряженностей, которые можно связать с фактором ирредентизма. Достаточно вспомнить ирредентистские вооруженные конфликты в Нагорном Карабахе и Южной Осетии. Корни этого в том, что в прежде единой стране СССР политику и идеологию интернационализма пытались сочетать с национальной политикой широкого федерализма и автономии, что заложило ряд противоречий и будущих конфликтов после распада государственно-идеологического единства народов. При этом волюнтаризм в определении статусов и границ бывших союзных республик привел к усилению проблемы этнического неравенства и формированию идеологии и установок сепаратизма и ирредентизма. Таким образом, ирредентизм является значимым фактором социально-политической

дестабилизации как на постсоветском пространстве в целом, так и в самой России [8]. Отдельно, как мы сказали, эта проблема затрагивает русских как искусственно разделенный народ, представляющий этническое меньшинство новых республик. Ряд исследователей справедливо полагают, что «русских», проживающих на целом ряде территорий постсоветского пространства, следовало бы называть не «диаспорой», а «ирредентой», так как они долгое время жили в этих местах, не являются мигрантами и этнически смешаны [9, с. 102]. В то же время их характерной чертой выступает то, что они представляют в большинстве случаев городское население индустриальных центров, социально активны и обладают особой исторической памятью.

Важно учитывать, что в большинстве случаев инициатором ирредентизма выступает не соседнее государство, а само этническое меньшинство, недовольное своим положением в конкретном государстве и считающее территорию, на которой оно проживает, своей родной, частью более широкой Родины. Таким образом, ситуация на Украине также во многом связана с исторической памятью русских, поскольку конфликтные территории исторически заселялись русскими раньше или одновременно с титульными народами новых государств, а это один из основных факторов ирредентизма.

Проблема ирредентизма в социологических исследованиях связана с изучением как внутренней связи соотечественников за рубежом, так и их отношения к России. После распада Советского Союза сложилась неординарная ситуация, когда миллионы русских оказались в ранге национальных меньшинств в новых государствах, поставивших задачу строительства этнически однородного государства. В такой модели нациестроительства у русских диаспор и ирредентов происходило снижение социального статуса, правового положения (вплоть до отказа в гражданстве), культурно-образовательного потенциала и карьерных возможностей. Однако в силу значимости фактора качества жизни в западноевропейской части бывшего СССР отток соотечественников на историческую родину происходил в основном из государств Средней Азии и Закавказья. Так, по данным переписей населения за последние годы, в современной Грузии осталось только 1,5 % русских (2012), Азербайджане – 1,3 (2009), а в Армении – 0,4 % (2001). Данные по Средней Азии выглядят следующим образом: Узбекистан – 8,2 % (2000), Таджикистан – 1,3 (2004), Киргизия – 6,9 (2014), Казахстан – 22,3 % (2013). В то же время у наших западных соседей численность русского населения фактически не изменилась. Наиболее высокая доля русских проживает в странах Балтии: в Эстонии – 28,4 % (2012), в Латвии – 29,5 % (2011). Выбивается только Литва, где русских 7,5 % и они сравнимы по численности с другими национальными меньшинствами (поляками и евреями). В Молдове – 8,9 % русских (2004), в Белоруссии – 10,1 % (2009). На Украине доля этнических русских составляла 17,3 % (без учета отсоединения Крыма и конфликта на Донбассе) [10, с. 13].

Конечно, все эти процентные доли достаточно условны, поскольку среди русскоязычного населения «нового зарубежья» велика доля межэтнических браков, характеризующих многие современные семьи как группы с двойной или даже тройной этнической идентичностью. Более половины русских стран Балтии, Беларуси и Украины родились на территории этих стран, что обусловило отношение к этой земле как к своей родной. Поэтому, несмотря на языковые и культурные отличия от «коренного» населения, русские во многом восприняли уклад и традиции местной жизни.

Обратимся к наиболее острому и масштабному конфликту, в котором проблема ирредентизма вылилась в вооруженное противостояние и международный конфликт, – к ситуации в юго-восточной Украине и Крыму. Этнонациональная политика центральных украинских властей, которая складывалась долгие годы под влиянием антироссийских и во многом антирусских установок, привела к настоящему расколу украинского общества. Вызов со стороны новой украинской элиты и националистического движения правам территорий со значительным коренным русским населением (Донецкая, Луганская, Одесская, Николаевская и Херсонская области) перешел грань мирного политического конфликта, перерос в стадию международного кризиса, в который оказалась втянута и Россия. При этом многие указывают на то обстоятельство, что в российско-украинском приграничье сложилась настолько своеобразная смешанная культура, что попытки сделать эти регионы этнически однородными или полностью исключить гуманитарные связи между соседними регионами с Россией обречены на провал. Однако и сам конфликт, в том числе под действием внешних сил, привел к трем различным результатам, что заслуживает отдельного анализа восприятия самим населением этих последствий.

1. Попытки развития ирредентистского движения на территориях Одесской, Николаевской, Херсонской и Харьковской областей были подавлены украинскими властями и националистами.

2. Ирредентистское движение в Донецкой и Луганской областях сформировалось как влиятельная сила сопротивления, но образованные самопровозглашенные республики ДНР и ЛНР не были признаны на официальном уровне Россией и не были включены в состав самой России, несмотря на итоги референдума.

3. Республика Крым вошла в состав Российской Федерации, хотя ее новый международный статус остался непризнанным, а санкции западных стран последовательно поддерживают ситуацию политической напряженности вокруг этого региона.

Рассмотрим ситуацию в Крыму, Донецкой и Луганской областях в аспекте возможностей мобилизации сторонников ирредентистского движения. Причем в настоящее время – двустороннего ирредентизма, поскольку и там и там возможна активизация и проукраинских сил, ставящих задачу возвращения Крыма и полного контроля над Донецком и Луганском. Так, движение ирредентизма актуально и для ряда жителей сегодняшнего Крыма, но только в обратном направлении – к Украине.

Особый случай ирредентизма, который закончился достижением поставленной цели, – присоединение Крыма к России. Республика Крым с преобладающим русским населением и сильными российскими историко-культурными корнями всегда имела самостоятельный вектор в политике, поскольку ее развитие было напрямую связано с российско-украинскими отношениями. По сути, население Крыма стало заложником этих отношений, которые имели ряд сложных периодов, характеризовались усиливающейся политической напряженностью, перешедшей в международный конфликт с высокой степенью эскалации. Социологические исследования установок и социальной памяти крымчан показывают, что в украинский период до 2014 г. они ощущали себя на периферии политики государства.

По данным исследования Центра этносоциальных исследований при кафедре политических наук Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, проведенного в марте 2008 г. [11, с. 184], большинство жителей Крыма выступали как минимум за сохранение (32,1 %) либо за углубление и повышение нынешнего статуса Крыма (47,5 %). Так, на вопрос: «*Каким Вы хотели бы видеть статус Крыма?*» – в 2008 г. 37 % крымчан отвечали, что хотели бы видеть свой регион как «автономную республику в составе Российской Федерации». При этом 32,1 % опрошенных отметили, что предпочли бы «автономную республику в составе Украины». Около 10 % выступили за то, чтобы Крым получил статус «независимой республики в союзе с Россией, Белоруссией и Украиной (если последняя присоединится)». По мнению авторов исследования, этнические русские обладали самым сильным этнокультурным импульсом, направленным на изменение статуса Крыма (в частности, на воссоединение с Российской Федерацией). Это не сепаратизм, а именно ирредентизм как социальная установка, которая предполагает устремление к воссоединению, реинтеграции ранее социально-политически и культурно-экономически единых территорий. В то же время с позиции сегодняшнего дня необходимо обратить внимание и на то, что примерно у трети жителей Крыма в тот период были противоположные установки на единство с Украиной. Соответственно, нельзя отбрасывать и ирредентизм в противоположном направлении. Важно беспристрастно изучать проблемы самоидентификации, ценности, установки и ожидания населения, характер тревожности общественного сознания [12, с. 72–74].

В своей статье мы хотим рассмотреть промежуточные результаты социологического исследования позиции жителей Крыма, Донецкой и Луганской областей по поводу развития ситуации в этнополитическом пространстве российско-украинских отношений. Исследование проводилось в сентябре – ноябре 2018 г. в сети Интернет. Были использованы два метода сбора данных: опрос в сети Интернет и метод анализа социальных сетей (на примере анализа сообщений во «ВКонтакте»). В опросе приняли участие жители Крыма, Донецкой и Луганской областей. Всего было опрошено 565 респондентов (264 – представители Крыма, 301 – жители Донецкой и Луганской областей). При этом наблюдается следующее распределение по полу: 52 % ответивших – женщины, 48 % – мужчины. В связи со спецификой метода сбора информации через интернет среди участников опроса преобладали молодежь и люди среднего возраста (рисунок 1).

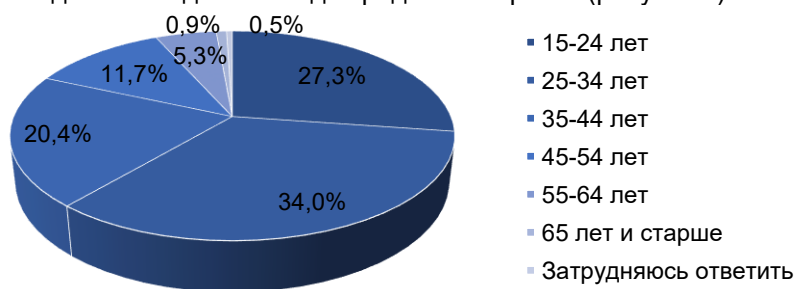

Рисунок 1 – Распределение респондентов интернет-опроса по возрасту

Несмотря на то что выборочная совокупность интернет-исследования имела вышеупомянутое ограничение и результаты носят предварительный характер, проведенный опрос позволил выявить тенденции в социально-политических настроениях жителей исследуемых территорий.

По результатам опроса можно сделать вывод, что в целом жители исследуемых регионов склонны придерживаться ирредентистской позиции в отношении присоединения к России. На вопрос о том, какое политическое будущее видят респонденты для своего региона, 59 % опрошенных ответили, что хотели бы видеть свой регион в составе России. Такой показатель напрямую

говорит о том, что мы сталкиваемся именно с процессом ирредентизма, поскольку большинство опрошенных хотели бы, чтобы их территория присоединилась к России, с которой люди ощущают социокультурную близость. При этом 15 % опрошенных высказались за то, чтобы их регион остался в составе Украины, и лишь 5,8 % выступают за создание суверенного государства.

Общность языка является одним из основных факторов, по которому люди стремятся объединяться в группы. В большей степени именно язык дает чувство общности, принадлежности к тому или иному народу. Среди опрошенных 88 % отметили, что именно русский язык является их родным языком, 6,4 % считают родным украинский, что свидетельствует о доминировании культурного фактора «русскоязычности» в социальном пространстве исследуемых территорий. Большинство опрошенных – 76,6 % считают себя людьми с русскими корнями, культурой и традициями. Видится, что данный факт может выступать как базовая доминанта формирования идентичности населения Крыма, Донецкой и Луганской областей. Если говорить про этническую идентичность, то мы увидим, что уже не такое подавляющее большинство опрошенных считают себя русскими – 40,9 %. Почти такое же количество респондентов указывают на двойную идентичность, считая себя наполовину русскими и наполовину украинцами – 31,2 %, в то время как 18,2 % опрошенных идентифицируют себя как украинцев.

Исследования общественного сознания жителей Крыма, Донецкой и Луганской областей показывают в обобщенном виде, что российско-советский пласт исторической памяти всегда доминировал в историческом сознании. Так, среди героев прошлого, исторических деятелей своей страны, которыми можно гордиться, были по большей части названы общероссийские/советские фигуры, такие как Петр I, И. Сталин, Екатерина II, А. Суворов, Ю. Гагарин, Г. Жуков, М. Ломоносов. Таким образом, прослеживается по большей части персонифицированный срез исторической памяти, идентичный общероссийскому [13, с. 75]. Выделяется и этнический компонент исторической памяти о выдающихся деятелях прошлого, таких как Б. Хмельницкий, Т. Шевченко, И. Сирко для украинцев, Ахмет Хан Султан, И. Гаспринский для крымских татар. Однако в общем ряду выбираемых исторических персон они составляют менее 5 %. Кроме того, объединительный пласт исторического сознания для жителей Крыма и для всех россиян – это память о Великой Отечественной войне. Абсолютное большинство опрошенных считают День Победы главным праздником, памятью о событии, которым они гордятся. Говорит об общей памяти и ментальном единстве и отношении жителей Крыма, Донецкой и Луганской областей к Советскому Союзу и к советской культуре как историческому явлению. В истории СССР они, несмотря на долгие годы украинской антисоветской пропаганды, видят больше положительного, чем отрицательного, больше событий для гордости. Тем не менее респонденты отмечают, что в советской истории было много и трагических событий, черных пятен, но это не перечеркивает общего положительного восприятия.

Историческое сознание во многом связано и с любовью к массовому искусству советских времен, прежде всего к кинематографу. Его по-прежнему любят, смотрят, цитируют любимые герои. Это говорит о том, что в ментальности жителей Крыма, Донецкой и Луганской областей присутствует и образ транслируемого в те годы советского человека как образца честности, открытости, трудолюбия, ответственности, интернациональной солидарности. Эти качества сильно востребованы обществом и в наши дни, о чем свидетельствуют мониторинговые общероссийские социологические опросы.

По результатам опроса можно сделать вывод, что жители Крыма, Донецкой и Луганской областей в большинстве своем не имеют ксенофобных установок по этническому принципу во взаимоотношениях русских и украинцев. Так, на вопрос о том, имеется ли у украинцев и русских больше сходств, чем различий, 42,5 % ответили «да», 41,6 % – «во многих случаях – да». Лишь 13,6 % опрошенных полагают, что сходств мало либо они отсутствуют, 2,3 % затруднились ответить. Таким образом, жители исследуемых областей чувствуют культурную общность российского и украинского народов. При этом нельзя оспаривать наличие тесных социальных связей между жителями Крыма, Донецкой и Луганской областей и жителями разных регионов России и Украины. Так, среди опрошенных 65,5 % имеют родственников в России и 62,8 % на Украине в других регионах.

Большой процент опрошенных респондентов на территории Донецкой и Луганской областей (38,5 %) в связи с военными действиями либо имеют конкретные планы о переезде, либо хотели бы переехать, но конкретных планов нет. Не исключают такой возможности 35,9 %. При этом 54,5 % опрошенных в случае появления такой возможности переехали бы в Россию, 19,2 % – в другую страну (не в Россию и на Украину) и 14,3 % – на Украину. Указанные миграционные установки в отношении России тоже во многом свидетельствуют о доминировании русского ирредентизма в этих регионах.

Помимо опроса, в качестве дополнительного метода исследования использовался метод анализа социальных сетей. Мы провели анализ сообществ (групп) Крыма, Донецкой и Луганской областей в социальной сети «ВКонтакте». В качестве элементов анализа были выбраны группы

с наибольшим количеством участников (до 500 человек), которые отбирались по расширенному поиску сети «ВКонтакте». В ходе анализа контента все группы были разделены на четыре категории: неполитические-нейтральные, пророссийские, проукраинские, выступающие за независимость ДНР и ЛНР. Далее были собраны данные о том, в каких группах состоят одни и те же пользователи (собирался список всех пользователей каждого сообщества, все списки сравнивались, и проводился поиск совпадений). В результате в полученном графе узлами выступили отобранные для анализа группы, а гранями – пользователи, которые состоят в них. Представление данных при помощи построения сети позволило ответить на следующие вопросы: каков информационный тон внутри сети «ВКонтакте» по вопросам самоопределения жителей Крыма, Донецкой и Луганской областей, сообщества с какими политическими ориентациями имеют наибольшее влияние на распространение информации и, следовательно, на пользователей сети.

Анализ сети позволил еще раз подтвердить тесную взаимосвязь между жителями Крыма, Донецкой и Луганской областей с российскими и украинскими сообществами практически в равной степени. Сеть является гомогенной по своей природе, сильных подгрупп выявлено не было, существенно выделяющихся связей тоже нет. На рисунке 2 представлена сеть, формируемая сообществами Крыма, Донецкой и Луганской областей, где квадратами отмечены неполитические-нейтральные сообщества, параллелограммами – выступающие за независимость ДНР и ЛНР, кругами – пророссийские и треугольниками – проукраинские. Как видно, все узлы имеют относительно равный размер (за редким исключением) и узлы, имеющие разные формы (в зависимости от политической ориентации), равномерно распределены по сети. Первоначально предполагалось, что будут выявлены стабильные подгруппы проукраинских, пророссийских групп и групп, поддерживающих идею о независимых ДНР и ЛНР, но такие группы не были выявлены. Т. е. мы можем сделать вывод, что пользователи тех или иных групп не формируют обособленную подгруппу и получают информацию из групп различной направленности. При этом нельзя говорить о выделении центра и периферии в сети. Даже группы с наименьшим количеством участников включены в сеть и задействованы в распределении информации. Несмотря на то что ряд сообществ находятся на противоположных полюсах этнополитического пространства российско-украинских отношений, участники этих сообществ связаны в единую гомогенную сеть.

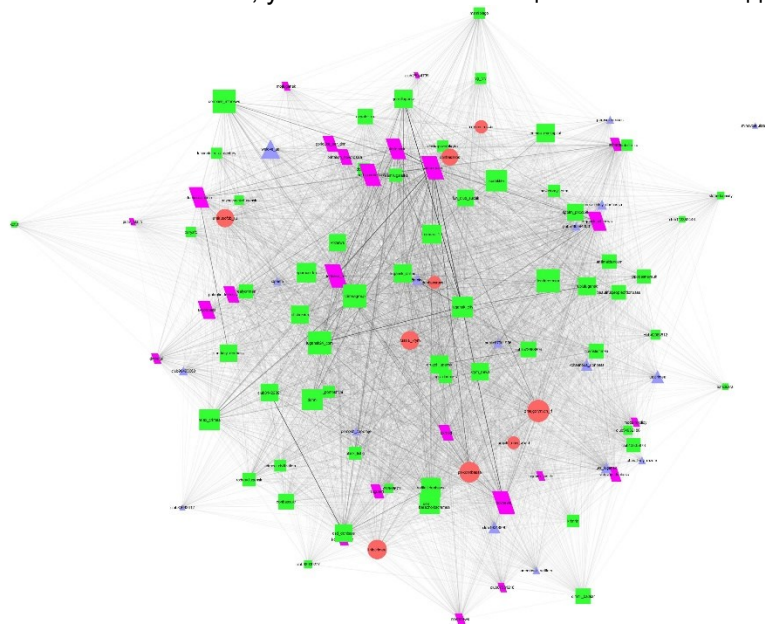

Рисунок 2 – Сеть, формируемая сообществами Крыма, Донецкой и Луганской областей во «ВКонтакте»

Наиболее эффективными по распространению информации группами среди пользователей являются несколько неполитических-нейтральных групп (квадратные узлы на графе) и несколько групп, выступающих за независимые ДНР и ЛНР (узлы в форме параллелограмма). Пользователи данных групп имеют связи со всеми другими группами вне зависимости от их политической ориентации и наилучшим образом распространяют информацию из своих групп внутри сети. Кроме того, анализировались группы, которые имеют большую возможность контролировать информационные потоки и, следовательно, влиять на их формирование и распространение. К таким группам относятся несколько пророссийских (круглые узлы), сторонники ДНР и ЛНР (узлы в форме параллелограмма), и только одна проукраинская группа (треугольные узлы) является

эффективной в контроле за информацией. С учетом того, что де-факто декларируемая на данный момент независимость ДНР и ЛНР связана с поддержкой России и реальной политической борьбой, а в Крыму доминируют нейтральные неполитические сообщества, становится достаточно очевидным факт в большей степени пророссийской ориентации пользователей социальных сетей, что видно и по результатам опроса. Тем не менее и украинская ирредентизма присутствует, хотя ее численность на данный момент не превышает 15 % (на территориях, неподконтрольных украинским властям). Несмотря на информационные усилия украинских провластных акторов, влияние украинской ирредентизмы на жизнь сетевых сообществ в Крыму, Донецкой и Луганской областях в настоящее время минимально.

Полученные результаты исследования выявляют несостоятельность ассимиляционных моделей и политики этноцентризма, могут быть полезны для разработки мер по снижению уровня конфликтов, социальной напряженности среди жителей исследуемых территорий, а также в целях развития последних.

Таким образом, можно сделать общий вывод, что проблема ирредентизма на юго-востоке Украины имеет глубокие основания в самой политической жизни этой страны и связана с историческими особенностями формирования украинской государственности. Провозглашая лозунги следования европейскому пути развития, на деле вместо политики мультикультурализма и толерантности украинские власти взяли курс на этнонационализм и межнациональную вражду. Запрет на русский язык как второй государственный и даже региональный, вытеснение русской культуры, стирание исторической памяти о советском прошлом под лозунгами декоммунизации, ограничение прав региональной самостоятельности территорий и другие факторы сделали значительную часть жителей юго-востока Украины сторонниками идеи ирредентизма.

Кроме того, можно выделить следующие факторы ирредентизма на постсоветских территориях:

- дискриминация русскоязычного населения по этническому принципу, вплоть до исключения из гражданства или насильственной ассимиляции, что является прямым следствием политики этнонационализма;
- угроза социальной нестабильности и этнополитических конфликтов на территориях компактного проживания русских;
- политика конфронтации на международном уровне в результате столкновения геополитических интересов России и других великих держав. В частности, даже в 1990-е гг. позиция «двойных стандартов» Запада в отношении дискриминационной этнонациональной политики Латвии, Эстонии и ряда других государств была связана с антироссийским синдромом и фактически уже ставшей традиционной русофобией.

В целом делая выводы о сложившейся ситуации этнокультурных расколов на территории ближнего российского зарубежья, можно вслед за В.А. Тишковым констатировать провал политики этнонационализма и попыток насильственной ассимиляции русскоязычного населения. Вывод, который он сделал два десятилетия назад, актуален и сейчас: «Ставка на культурную ассимиляцию российских соотечественников является маловероятной даже в дальней перспективе прежде всего по причине высокого мирового статуса русского языка и культуры, а также наличия по соседству в России основного ядра представителей этой культуры» [14, с. 76]. Ирредентизм – это проблема, которая вытекает из национальной политики самого общества, и никакие внешние силы не заставят людей идти на раскол, если это не будет в их собственных интересах, если они не будут ощущать собственную ущемленность со стороны так называемых этнонаций.

Ссылки и примечания:

1. Статья написана в рамках проекта РНФ № 15-18-00119 «Исторический опыт управления этническим разнообразием и этноконфессиональными конфликтами в имперской, советской и постсоветской России: междисциплинарное исследование».
2. Коробов А.А. Миграционный фактор этнического сепаратизма // Власть. 2013. Т. 21, № 9. С. 45–46.
3. Узнародов Д.И. Лезгинский ирредентизм как геополитический фактор на Северном Кавказе // Кавказология. 2017. № 2. С. 110–118. <https://doi.org/10.31143/2542-212x-2017-2-110-118>.
4. Brubaker R. Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe. Cambridge, UK, 1996. 202 p. <https://doi.org/10.1017/cbo9780511558764>.
5. Бараш Р.Э. Ирредентизм как категория дискурса и политической практики // Вестник российской нации. 2012. № 2-3. С. 151–171.
6. Siroky D.S., Hale C.W. Inside Irredentism: A Global Empirical Analysis // American Journal of Political Science. 2017. Vol. 61, no. 1. P. 117–128.
7. Waterbury M.A. From Irredentism to Diaspora Politics: States and Transborder Ethnic Groups in Eastern Europe [Электронный ресурс] : working paper no. 6 / Global Migration and Transnational Politics. 2009. 11 p. URL: https://www.gmu.edu/centers/globalstudies/publications/gmtpwp/gmtp_wp_6.pdf (дата обращения: 13.12.2018).
8. Узнародов Д.И. Политика ирредентизма в постсоветской России: внутренние вызовы // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2015. № 3 (2). С. 117–121.

9. Чепиницкая П.Р. Категория «соотечественники за рубежом» в модусе этносоциологии и сетевая структура «Русского мира» // Теория и практика общественного развития. 2011. № 8. С. 102–104.
10. Сикевич З.В. Этнические парадоксы глобального общества. Прага, 2014. 154 с.
11. Филатов А.С. Крым: этнокультурные ориентиры и политические установки. Крымский ирредентизм и украинский сепаратизм // Вопросы развития Крыма : науч.-практ. дискус.-аналит. сб. Вып. 16. Крымское региональное сообщество: генезис, современное состояние, перспективы. Симферополь, 2012. С. 184–194.
12. Савин С.Д. Массовое сознание российского общества под влиянием этнонациональных версий исторического прошлого // Дискурс. 2018. № 1. С. 71–83.
13. Там же. С. 75.
14. Тишков В.А. Этнология и политика. Научная публицистика. М., 2001. 240 с.

References:

- Barash, RE 2012, 'Irredentism as a Category of Discourse and Political Practice', *Vestnik rossiyskoy natsii*, no. 2-3, pp. 151-171, (in Russian).
- Brubaker, R 1996, *Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe*, Cambridge, UK, 202 p. <https://doi.org/10.1017/cbo9780511558764>.
- Чепиницкая, П.Р. 2011, 'The Category of "Compatriots Abroad" in the Mode of Ethnosociology and Networks of "Russian World"', *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, no. 8, pp. 102-104, (in Russian).
- Филатов, А.С. 2012, 'Crimea: Ethnocultural Guidance and Political Attitudes. Crimean Irredentism and Ukrainian Separatism', *Voprosy razvitiya Kryma: nauch.-prakt. diskus.-analit. sb.*, iss. 16, Simferopol, pp. 184-194, (in Russian).
- Коробов, А.А. 2013, 'The Migration Factor in Ethnic Separatism', *Vlast'*, vol. 21, no. 9, pp. 45-46, (in Russian).
- Савин, С.Д. 2018, 'Mass Consciousness of the Russian Society under the Influence of Ethnonational Versions of the Historical Past', *Diskurs*, no. 1, pp. 71-83, (in Russian).
- Сикевич, З.В. 2014, *Ethnic Paradoxes of a Global Society*, Prague, 154 p., (in Russian).
- Сироки, Д.С. & Хейл, К.В. 2017, 'Inside Irredentism: A Global Empirical Analysis', *American Journal of Political Science*, vol. 61, no. 1, pp. 117-128.
- Тишков, В.А. 2001, *Ethnology and Politics. Scientific Journalism*, Moscow, 240 p., (in Russian).
- Узнародов, Д.И. 2015, 'The Policy of Irredentism in the Post-Soviet Russia: Internal Challenges', *Akademicheskij vestnik Rostovskogo filiala Rossiyskoy tamozhennoy akademii*, no. 3 (2), pp. 117-121, (in Russian).
- Узнародов, Д.И. 2017, 'Lezgin Irredentism as a Geopolitical Factor in the North Caucasus', *Kavkazologiya*, no. 2, pp. 110-118. <https://doi.org/10.31143/2542-212x-2017-2-110-118>.
- Waterbury, M.A. 2009, *From Irredentism to Diaspora Politics: States and Transborder Ethnic Groups in Eastern Europe*, Working Paper no. 6, Global Migration and Transnational Politics, 11 p., viewed 13 December 2018, <https://www.gmu.edu/centers/globalstudies/publications/gmtpwp/gmtp_wp_6.pdf>.